

НАТАЛЬЯ ШМЕЛЬКОВА

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ
ВЕНЕДИКТА ЕРОФЕЕВА

Биография эпохи

Наталья Шмелькова

**Последние дни
Венедикта Ерофеева**

«Издательство АСТ»

2018

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Шмелькова Н. А.

Последние дни Венедикта Ерофеева / Н. А. Шмелькова —
«Издательство АСТ», 2018 — (Биография эпохи)

ISBN 978-5-17-104921-8

Венедикт Ерофеев (1938–1990), автор всем известных произведений «Москва – Петушки», «Записки психопата», «Вальпургиева ночь, или Шаги Командора» и других, сам становится главным действующим лицом повествования. В последние годы жизни судьба подарила ему, тогда уже неизлечимо больному, встречу с филологом и художником Натальей Шмельковой. Находясь постоянно рядом, она записывала все, что видела и слышала. В итоге получилась уникальная хроника событий, разговоров и самой ауры, которая окружала писателя. Со страниц дневника постоянно слышится афористичная, приправленная добрым юмором речь Венички и звучат голоса его друзей и родных. Перед читателем предстает человек необыкновенной духовной силы, стойкости, жизненной мудрости и в то же время внутренне одинокий и ранимый.

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-104921-8

© Шмелькова Н. А., 2018
© Издательство АСТ, 2018

Содержание

От автора	6
1985 год	7
1987 год	9
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Наталья Александровна Шмелькова

Последние дни Венедикта Ерофеева

© Наталья Шмелькова, 2018

© ИТАР-ТАСС

© ООО «Издательство АСТ», 2018

* * *

От автора

С Венедиктом Ерофеевым я была знакома в течение последних трех лет его жизни и благодарна судьбе за встречу с этим замечательным писателем и необыкновенным человеком. Видясь с ним часто, я всегда записывала его рассказы о самом себе, о друзьях, об отношении к различным событиям, отдельные высказывания, замечания. В своих воспоминаниях привожу и некоторые тексты писателя с краткими к ним пояснениями.

Отдельные фрагменты книги, выстроенной в форме дневника, иногда писались мной по памяти, а не по живому следу. В таких случаях, как правило, не указывались даты, но, по возможности, сохранялась хронологическая последовательность событий.

Признаюсь, долго не решалась я на полную публикацию книги. Ведь записи мои порой очень личные. Велись они для себя и совершенно не предназначались для печати. Но вот промелькнули годы после смерти писателя, и я решилась. Решилась, прекрасно осознавая, какую беру на себя ответственность.

Допускаю, что некоторых почитателей Ерофеева могут покоробить отдельные строки моих воспоминаний о нем, но напомним, что книга посвящена не только творчеству, но и исключительно неординарной личности писателя, не чуждому и человеческих слабостей.

Хочется надеяться, что даже самый придирчивый читатель почерпнет для себя из моих записей о Венедикте Ерофееве что-то новое, интересное и важное. И если такое случится, то буду считать свой труд не напрасным.

1985 год

17 февраля

На квартире журналиста Игоря Дудинского скопище народа: выставка неофициальных художников и игра в «путаницу». По кругу ходит лист бумаги. Каждый пишет, что хочет и, загнув текст на обратную сторону листа, оставив последнюю фразу, передает написанное соседу. Являюсь с опозданием. В комнате лишь одно свободное место на низкой лавочке у незнакомого мне мужчины. Он непрерывно курит «Беломор». По ходу игры мой текст переходит ему: «В сумасшедший дом он попал по блату». Когда лист обошел несколько кругов и всё зачитали, он обратился ко мне: «А у нас с вами получился очень плавный переход». В перерыве художник Валера Черкашин сообщил: «А я тебя сфотографировал с Веничкой Ерофеевым». Так значит это Ерофеев?! Знала бы раньше, придумала бы что-нибудь поинтереснее. В разговоре с Ерофеевым спросила: «А над чем вы сейчас работаете?» Ответил, что заканчивает «Вальпургиеву ночь», что действие пьесы происходит в дурдоме. «А что вас натолкнуло на этот сюжет?» Рассказал, что не так давно пребывал в «Кащенко», наблюдал, как на 1 Мая для больных мужского и женского отделений устроили вечер танцев – первое, что и натолкнуло.

Начали расходиться. Уехала с художником Борисом Козловым слушать магнитофонную запись писателя Юрия Мамлеева.

Об этой нашей встрече у Ерофеева есть строчки в дневнике, как я, сев рядом с ним, нахально стрельнула у него две беломорины и еще авторучку.

Наташа Воронина, юная покровительница московского андеграунда, приглашает меня на организованный ею квартирный вечер поэзии Генриха Сапгира. Маленькая комната забита народом. В основном – молодежь. Кому не хватает мест, рассаживаются на подоконнике. Разливается чай. После ухода Сапгира – неожиданное появление Ерофеева в сопровождении его жены Галины. Наперебой все просят почитать его «Вальпургиеву ночь». Зачарованно слушаю его исполнение, его прекрасный баритон. Записываю на магнитофон.

ДОКТОР (желчно)... Так как же обстоит с вашим общим состоянием, на ваш взгляд?

ГУРЕВИЧ... Короче, ощущаешь себя внутри благодати – и все-таки совсем не там... ну... как во чреве мачехи...

Периодически – взрывы смеха. В перерыве все курят на кухне. Подошла. Поздоровалась. Не поняла – вспомнил ли он меня? Кажется, нет.

Долго после этой встречи Ерофеева не видела. А с ним, как узнала от Наташи Ворониной, приключилась беда – рак горла. Операция. Она предложила навестить его в больнице. Удивлена. Ведь я с ним практически не знакома. Почему именно мне она звонит? Попросила прихватить немного коньяку: «Врач разрешил», – сказала она. Но почему-то наша встреча не состоялась. (Уже потом, от Вени, я узнала, что от рака горла умер родной его брат Юрий, отказавшийся от операции. «Если бы я знал, что есть такая боль, – рассказывал он мне, – я бы лучше выбросился из окна».)

Странно... Звонит мне Маша Фомина, с которой я мало знакома – встречались где-то на квартирных литературных вечерах. Просит позвонить меня Ерофееву домой. «Я сама очень боюсь звонить, – говорит она. – А вдруг жена скажет, что он умер?»

Дает номер его телефона. Удивлена: мы живем в таких отдаленных друг от друга районах, а телефоны так похожи:

Мой: – 434-777-9

Его: – 454-777-0

Уже позже, узнав мой номер телефона, Ерофеев сам был очень удивлен. Долго цифры сопоставлял, что-то вычислял и даже расшифровал их...

По просьбе Маши ему позвонила. Услышала в трубке космический голос. Сказал несколько слов и тут же ее повесил.

1987 год

4 февраля

Татьяна Щербина пригласила на литературный вечер в Дом архитектора. Должны выступать прозаики Евгений Попов, Виктор Ерофеев, из поэтов Лев Рубинштейн, она и многие другие.

В вестибюле сразу увидела Веню Ерофеева. Он был в коричневом из искусственного меха полушубке, меховой шапке, скрывающей его мальчишескую с проседью челку, а лицо его после перенесенной операции так заметно изменилось...

Окружавшие его о чем-то оживленно беседовали, обращались к нему, а он долго и пристально смотрел на меня. Смотрел не как на человека, которого вспомнил, узнал, нет. Ведь после тех двух мимолетных, случайных встреч прошло два года. Смотрел не как на женщину, которая ему приглянулась. Взгляд – как судьба. (Уже потом он мне сказал: «Я был уверен, что ты ко мне подойдешь...») А я, сидя в зале, переживала, что не поздоровалась с ним, не кивнула. Ведь он мог подумать, что я не узнала его. Что он так сильно изменился после операции.

В фойе он уже был один и шел мне прямо навстречу. Осмелилась и подошла. Смущенно залепетала: «Здравствуйте. Вы меня, наверное, не помните... Мы виделись у Дудинского... У меня есть самиздатские “Петушки”... Так хотелось бы ваш автограф...»

Ерофеев улыбнулся, извлек из кармашка синей холщовой хозяйственной сумки микрофон, и снова я услышала его голос: «Пожалуйста, приезжайте, тем более что жена моя сейчас в больнице».

Подошла Таня Щербина. Минуту с Ерофеевым побеседовала и откланялась. «Вы, наверное, ее пришли послушать?» – спросила я. «Да, и ее тоже, – ответил Ерофеев и многозначительно добавил: – Но в основном – своего однофамильца».

В зале нас разделяло несколько рядов. Он сидел впереди меня, наискосок, и я хорошо видела его лицо. Слушал всех внимательно, и особенно «однофамильца».

Как мне показалось – очень не понравилось ему это выступление и даже раздражало. Ушел со второй половины вечера ни с кем не попрощавшись.

У моей соседки по дому Инны в феврале день рождения. Советую ей себе в подарок купить картину замечательного художника-шестидесятника Игоря Ворошилова. Он не москвич и работы хранит в квартире своей знакомой, Наташи Алешиной. Звоню ей, чтобы узнать адрес, и – опять совпадение – ее дом на Флотской, в одном дворе с Ерофеевым. Прекрасно. Прихвачу заодно самиздатские «Петушки» для автографа, и вместе с ней к нему зайдем.

Звоним. Дверь открыла его давнишняя приятельница Алена, как она нам представилась, и тут же я увидела известного во всей Москве Игоря Ноткина, небездарного фотографа, окончательно избравшего роль юродивого, зарабатывавшего себе на портвейн, стоя у церкви и прося милостыню. Он бурно нас приветствовал. Появился в дверях заметно пошатывающийся Ерофеев. Ни с кем не поздоровавшись, он возлег на диван и, подперев голову рукой, погрузился в созерцание. Беседа не клеилась. Ноткин нес какой-то сумбур, а я, не зная, чем себя занять, села музицировать за напрочь расстроенное пианино. Для серьезности начала с классики, а потом, окончательно осмелев, надрывно исполнила есенинское «Пой же, пой на проклятой гитаре».

«Сука», – чуть ли не с нежностью в голосе, глядя на меня, вдруг изрек Ерофеев, а минуту спустя с той же интонацией добавил: «Жидовка».

Н.А. с Ноткиным ушли, а мы с Аленой перебрались на кухню. Разговорились. Рассказала, что после операции его практически, кроме старых друзей, никто не навещает: избегают психологической нагрузки – для кого-то непривычным был его голос через микрофон.

«Приезжайте, приезжайте, – говорила она мне и даже попросила остаться переночевать: – Я боюсь с ним оставаться одна».

Когда вышли из кухни, Ерофеев уже был в другой комнате, лежал на полу и крепко спал. Поднять его было невозможно. Подложили ему под голову подушку, накрыли одеялом, и Алена вдруг неожиданно уехала, оставив нас вдвоем.

Пробудившись рано утром, Ерофеев, как мне показалось, не сразу понял, кто я, откуда, и вообще, что вчера происходило. Был заметно смущен. Разговор не клеился. Но напряженность обстановки быстро разрушили вторгшиеся без звонка с двумя бутылками дешевого портвейна соседи по дому – алкаш Эдик и казах Сережа. Художник. Полилась демократическая беседа. Порывалась уехать, но Ерофеев упорно останавливал. Звонила из больницы его жена Галя. Сообщила, что выписывается и скоро будет дома. Приехав, окинув меня быстрым взглядом, как бы между прочим спросила: «А это еще что за девушка?» Собираемся все уходить, но Ерофеев меня упорно задерживает. Уже в дверях сказал: «Обязательно звоните и приезжайте в любой момент». «Петушки» мои не подписал, а отдал читать их художнику Сереже. «Пусть просвещается», – сказал он.

Ерофеев мне сам начал звонить. Почти каждый день. Иногда просил об этом Галину: «Мальчик очень просит, чтобы вы приехали».

Разговаривали мы с ним обо всем, на любые темы, но особенно ему нравилось, когда я несла всякую околесицу. Я это сразу отметила и всегда старалась его рассмешить. И это было совсем не трудно. Он любил посмеяться. Иногда хохотал над моими глупостями до упаду, до слез. Тогда Галя, голосом строгой жены, говорила: «Шмелькова, ну хватит же. Ему вредно так смеяться. У него же больное горло!» Как-то при очередном приступе смеха Веничка мне сказал: «Если моя любимая Беллочка Ахмадулина декадентка, то ты прямая ей противоположность – каламбуристка».

Я уже чувствовала, что стала ему необходимой, хотя порой (особенно по телефону) приходилось выслушивать самое разнообразное: «У меня-то все серьезно. Ты моя планида», «Ты мне уже так долго мешаешь жить. Таких, как ты, давить надо», «Ты не меня жалеешь. Ты себя пожалей. Ты родить еще можешь? Тогда бы я выколол деньги из-за границы, и мы бы купили в Америке колясочку».

Галя потихоньку раздражалась. Как-то, сама пригласив меня к ним в гости, вдруг неожиданно выпалила: «Не слишком ли вы к нам зачастили?» По донесению Венички, она начала собирать обо мне информацию. Первым откликнулся ближайший друг всех московских и не только московских знаменитостей Станислав Лён¹. Откликнулся, ревнуя всех к Ерофееву, весьма злобно, на что Веничка отреагировал спокойно: «По отношению моих знакомых к тебе, – сказал он, – я определяю их отношение ко мне».

Еще в первые дни нашего знакомства Ерофеев попросил Лёна пригласить меня с Майей Луговской², вдовой поэта Владимира Луговского, в открывшееся в самом центре Москвы поэтическое кафе «Гном». Предстоял интересный вечер. Ожидалось выступление поэтов и художников – Льва Кропивницкого³, Игоря Холина⁴, Генриха Сапгира и других шестидесятников.

¹ Настоящая фамилия Епишин. Доктор географических наук, литератор, близкий друг Ерофеева.

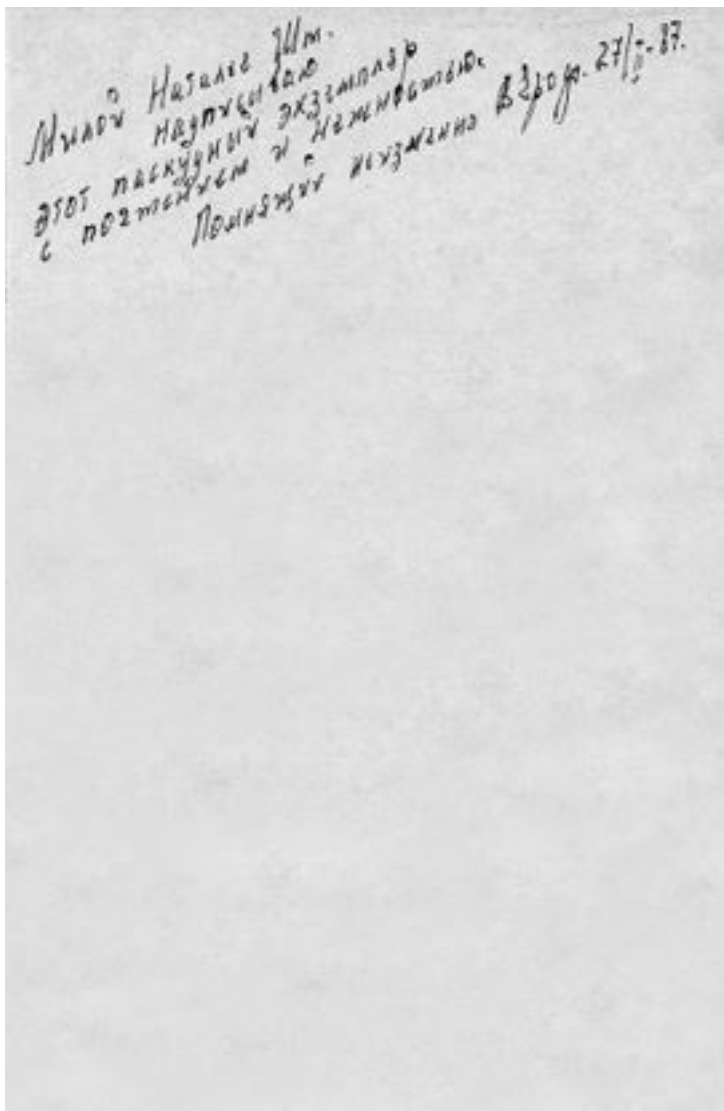
² Ученый-гидрохимик, литератор, художник.

³ Художник, поэт. Один из старейших представителей неофициального отечественного искусства. Основатель так назы-

Лён клятвенно обещал Веничке выполнить его просьбу, но конечно же нам не позвонил. Ерофеев был страшно расстроен, тем более что финал этого вечера оказался для него печальным. В теплом кругу знакомых и друзей он неожиданно опьянел. Постепенно все разошлись, оставив его одного без денег, не ориентирующегося ни во времени, ни в пространстве. Спасла Ерофеева художница Марина Герцовская. Не будучи с ним знакомой, взяла такси и доставила домой на Флотскую.

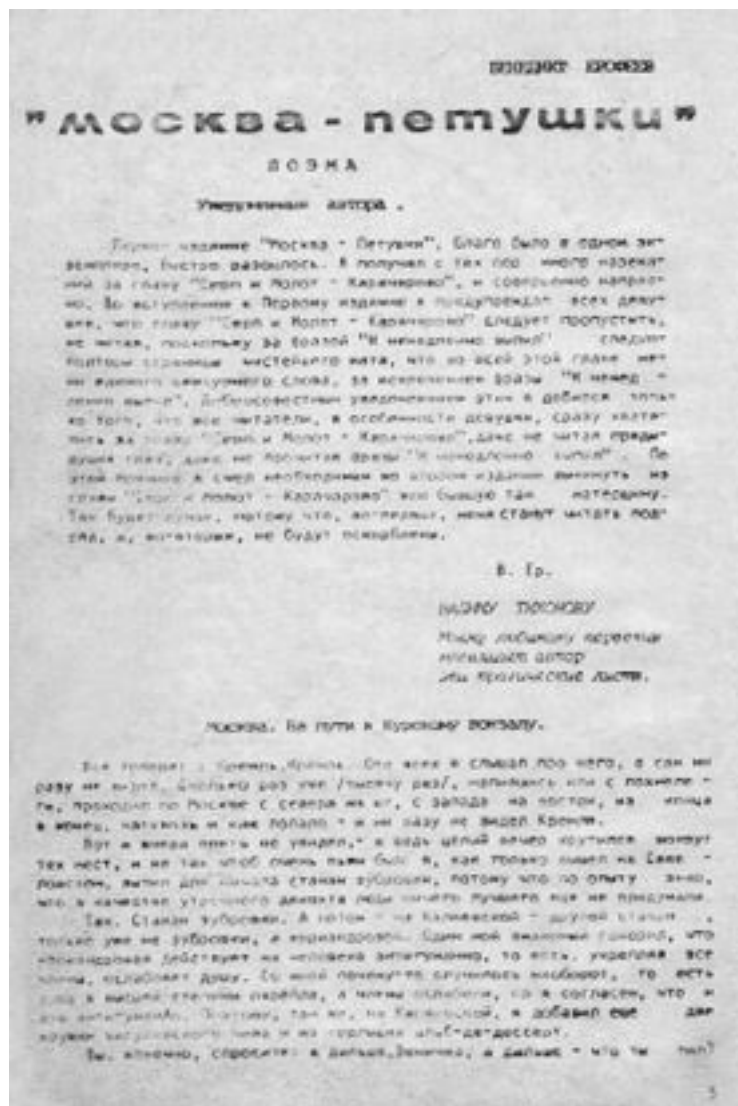
27 ноября

Я на Флотской. Звонит Ната А.: «У меня Игорь Ворошилов. Очень хочет вас видеть». У Вени депрессия. Идти отказывается. Еле уговариваю. Изо всех сил стараюсь его развеселить. Игорь, скользнув по мне своим острым пронизательным взглядом, воскликнул: «Да она же его любит!» А Веничка холодно отрезал: «Ты с каждой минутой становишься все вульгарней». Но по возвращении домой вернул и подписал мои самиздатские «Петушки»: «Милой Наталье Шм. надписываю этот паскудный экземпляр с почтением и нежностью. Помнящий неизменно В. Ероф. 27/11-87 г.».

ваемой «Лианозовской группы», из которой вышли многие талантливые художники и поэты. Умер в 1979 году.

⁴ Поэт. Яркий представитель авангарда 50–60-х годов. Создатель так называемой «барачной поэзии». Ученик Е.Л. Кропивницкого. Умер в 1999 году.

Самиздатовский, «паскудный» экземпляр поэмы «Москва – Петушки» с автографом В. Ерофеева

Галя посылает нас с Веней в аптеку, выдав ему 25 рублей на всевозможные лекарства. Цена ее доверие, отчаянно сопротивляюсь, когда он на все деньги закупает вина. По возвращении – дикий скандал. Я реву. Веничка невозмутим и даже придумывает Гале, как он выдворил одну даму с модной прической из очереди за вином: «Я ей все-таки модную прическу попортил! Я ее внутри магазина постоянно отстранял. Она мне: “Сволочь! Я все-таки раньше тебя возьму!” Тогда я сверху беру ее за волосы и швыряю на пол! Гул одобрения». Ну и выдумщик Ерофеев!

Галя оставляет меня ночевать. Даже приносит в постель какие-то успокаивающие капли, говоря при этом: «Двоих я вас, наверное, не прокормлю». И добавляет: «Да, Ерофеев, любовь – не картошка».

Утром, к великому моему удивлению, Галя приглашает меня в гости к своей матери Клавдии Андреевне Грабовой. Я с ней еще не знакома и воспринимаю свое появление в ее доме как смотрины. Встретила внешне доброжелательно. За беседой незаметно ко мне присматри-

вается. Галя с Веней подчеркнуто внимательна и нежна. При прощании, как бы между прочим, Клавдия Андреевна наказывает: «Веня, держись Гали!»

Галя в своем отношении ко мне совершенно непредсказуема. Позвонила по телефону и пригласила приехать, чтобы всем вместе послушать выступление по телевизору Высоцкого. Веничка его очень любит. Являюсь. Не могу не почувствовать ее сильное раздражение, вызванное моим присутствием.

Слышу, как Ерофеев ей шепчет: «Не обижай девчонку». Собираюсь домой. Веничка умоляет: «Не уезжай, не уезжай!» Из глаз его градом сыплются крупные слезы. Первый раз вижу его в таком состоянии. И все же уехала. Из-за Гали. Она вышла на кухню и долго, в оцепенении, подперев голову рукой, смотрела в темное окно...

Веничка выразил желание приехать ко мне в гости на Юго-Запад. До самого подъезда его провожала Галя. Зайти отказалась, как ни уговаривала. Сразу же обругал все вывешенные на стенах картины художников-шестидесятников. Даже моего любимого Зверева. «Какие-то все дутые», – сказал он.

Правда, похвалил одну мою работу – занесенную снегом в вечернем лиловом лесу часо-венку.

Через несколько часов по вызову Венички с несколькими бутылками сухого вина появился «любимый первенец» Вадим Тихонов⁵. Вижу его впервые. Показался занятым. По неумным комплимен-там в мой адрес сразу чувствую его прочную неприязнь к Гале: «Поздравляю, Ерофеев. Наконец-то тебе повезло! Надо же, без горла – и такая любовь! К ней грязь не пристанет. Видела бы Носова, что у тебя появился аппетит» (Веня съел омлет).

Мне: «Он тебя постоянно цитирует, все за тобой записывает. Ушел бы от нее, если бы она не попадала в больницу. Ей от него только валюта нужна» и т. д., и т. д.

Веничка поддакивает: «Она думает, что только при ней я могу писать». Вадик удивлен, что Галя меня еще как-то терпит: «Пожилых женщин она не признает. У них все может быть серьезным. Вот молоденькие – куда ни шло. У них все кратковременное».

Разговор прерывается появлением моего отца. Они с Ерофеевым заочно знакомы. Папа восхищается его «Петушками». Веничка слышал о нем как о крупном ученом, остроумном, доброжелательном, разносторонне образованном человеке. Папа только что прочитал «Вальпургиеву ночь» и охотно делится своими впечатлениями. Уходя, с добрым автографом подарил Вене свою книгу о Ферсмани. Ерофеев рад подарку, тем более что в книге есть глава «Хибинская эпопея», а ведь Кольский полуостров – его родина. «Я думал, что войдет кто-то вроде Докучаева, – сказал Веничка, – а он, оказывается, – свой парень». И уже потом, когда прочтет папину книгу, он мне скажет: «Мне очень понравился А.И. (Александр Ильич Перельман. – Н.Ш.), но я не ожидал, что он так замечательно пишет. А получить от меня такой комплимент, сама знаешь – не так просто».

Периодически звонит Галя. Ерофееву: «Ты что, переселился?» Собираются уходить. Поспешно убираю квартиру. Веничка очень внимательно наблюдает за моими действиями: «Первый раз вижу тебя за таким занятием». Вадик уходит недовольным: как будто выпроводили.

⁵ Ближайший друг Ерофеева со времен учебы во Владимирском пединституте, которому посвящены «М – П». «Первенец» – т. е. первый ученик, один из первых читателей поэмы и воспринявший ее. Персонаж «М – П». Умер в 2000 году.

Уже давно призываю Ерофеева на время покинуть душные стены Флотской и отправиться в «Пушкинский» на выставку «Прадо. От Гойи до Пикассо». Пойти согласился с радостью, но ведь он непредсказуем!

Строгий договор с Ерофеевым в субботу посетить Абрамцево. Ведь мы уже так давно мечтали поехать туда в гости к Саше Епифанову («Епифану»), его доброму другу, физику, внуку художника Грабаря.

Ерофеев (деловито): «У Грабаря-младшего наверняка есть чуть самогону. Во всяком случае по телефону он мне дал это понять потому, что рядом была Надька – Галина подруга. Я обещал сделать пасхальный взнос Грабарю на сахар. У него сложная система. Я ему просто дам рублей пять».

Наконец собрались.

На вокзале первым делом порываюсь сбегать за билетами. Ерофеев в недоумении: «Ты что? Не читала “Москва – Петушки”?» Едем зайцами и, конечно, контролеры – двое мужчин и женщина. Странно. Почему-то они направляются сразу к нам, в самую середину вагона. Веничка немедленно уставился в окно. Значит, придется отбиваться одной. Возмущена.

– Почему такая молодая и так сильно поседела? – по-свойски, с улыбкой обратилась ко мне подвыпившая контролерша.

– Как увидела вас, так сразу и поседела, – буркнула я.

Все трое рассмеялись и присели на лавке напротив. Завязалась неторопливая беседа. О многом контролерша меня расспросила и о многом сама рассказала. И за что сын ее 3 года отсидел за решеткой, и почему дочь разошлась с мужем, и т. д., и т. д. Пассажиры-безбилетники смотрели на меня как на спасителя.

На платформе в Абрамцеве Веничка очень серьезно спросил меня: «Ты теперь понимаешь, как пишется проза?»

Епифан встретил радостно, гостеприимно. Уже на подходе самогон. Приготавливает он его, судя по сложной аппаратуре, со всей ответственностью и любовью. А Веничка вносит свой вклад: деньги за сахар.

А потом – соревнование по стрельбе из моего спортивного чешского пистолета. Мишень – маленький резиновый рыжий медвежонок. Каждому – по три пульки. Первым стреляет Веничка. Медленно-медленно опускается на корточки и долго-долго целится. Рука его неумолимо тверда, а глаза мне кажутся даже жестокими. Три выстрела – а медвежонок и не думает падать. Ерофеев по-детски огорчен, и мы ему как классическому со скрипом выделяем еще две пульки.

И все-таки (забегая вперед) мой пистолет сыграл свою зловещую роль... В Абрамцеве есть маленький летний домик, который Веня с Галей, когда у них еще были деньги за переводы «Петушков», мечтали купить. Внесли они за него немалый залог, но были обмануты: и домик им не продали, и залог не вернули. Поселились в домике, как поняла из рассказа, какие-то кагэбисты. Не антисоветчику же Ерофееву его отдавать! Вроде бы так и объяснили отказ.

В один из прекрасных морозных солнечных дней повели меня Веня с Галей показать этот злосчастный домик. Зимой в нем никто не жил. Прихватили пистолет. Галю оставили стоять на дороге, как говорится, «на шухере», а мы с Веничкой, открыв калитку, пробрались по сугробам к застекленной терраске. На столе, застеленном белоснежной скатертью, красовался недопитый бокал красного вина. Пять пуль скользнуло по стеклу. Шестая – пробила его насквозь, угодив прямо в бокал!

И снова в Абрамцеве. На этот раз у давнишних Веничкиных знакомых – известного физика Александра Леонтовича и его жены Людмилы. Ерофеев любит бывать в этом доме, тем более что у Леонтовича на даче, как и в Москве, хранится огромная коллекция пластинок классической музыки, которую Веничка так любит.

Конечно, он не может явиться без «гостинца» и заговорщицки уговаривает меня в магазинчике, что недалеко от прудика «Шоколадка», купить хотя бы две бутылки пива.

– Какое вам еще пиво? – огрызнулась на меня заметно подвыпившая продавщица с лицом цвета бордо. – Здесь же зона отдыха!!!

– А что, – вежливо спрашиваю, – разве пить пиво – это такой невыносимо тяжкий труд?

Веничка смеется: «Иногда изрекаешь что-то путное».

По дороге к Леонтовичу клянусь Ерофееву, что буду купаться в «Шоколадке» даже в самые лютые морозы, если он только будет писать «Фанни Каплан». Ерофеев на это: «А кто будет вылавливать твой труп?.. Да, – говорит он, – как жаль, если я не закончу свою самую смешную вещь!» Вкратце рассказывает сюжет: «Это трагедия в пяти актах. Участвуют в ней: Мишель Каплан – хозяин заведения (приемного пункта винно-водочной посуды). Появляется только в третьем акте и в состоянии белой горячки. Гибнет в начале пятого. Фанни Каплан – дочь его. Лет семнадцати. Слабоумная от рождения. Лжедмитрий и Лжедмитрий Второй – собственно – приемщики посуды. Развязные придурки. К концу пятого акта все околевают» и т. д., и т. д.

Наконец у Леонтовичей. Встретили гостеприимно. Интересные разговоры, домашняя наливка, по желанию Ерофеева заводится его любимая музыка. Засиживаемся допоздна, и хозяева предлагают нам остаться у них переночевать.

Утром снова у Епифана. Встречает, как всегда, радостно. Неожданное появление старого Веничкиного приятеля Виктора Тимачева по прозвищу Тимак. А я его сразу назвала «Рюкзаком». Веничка рассказывал мне, что он все время приезжал в Абрамцево с большим-большим рюкзаком, на дне которого неизменно бултыхалась маленькая-маленькая бутылочка со спиртным. «Рюкзак» Веничку обожает, боготворит. Смотрит на него с почтением, и Ерофеев принимает его любовь.

Разъехались поздно вечером.

Ерофеев экзаменует меня: «А скажи-ка, за что же тебе все-таки так нравятся “Петушки”?» Растерявшись от неожиданности вопроса, говорю первое попавшееся: «За музыку, за звучание... Поверишь ли, от твоих отдельных фраз порою просто мурашки по коже бегут. Ну, например: “А бубны гремели. И звезды падали на крыльцо сельсовета. И хохотала Суламифь”». – «Кое-что понимаешь», – отреагировал Ерофеев.

При прощании написал мне небольшой список книг, необходимых ему для чтения: «Если попадется, обязательно купи».

Русская поэзия.

Плещеев. Б. серия.

Лохвицкая.

Кюхельбекер в 2-х т.

Дельвиг. Б. серия.

Андрей Белый. Б. серия.

Павел Васильев. Б. серия.

Бестужев-Марлинский. Б. серия.

Пастернак в 4-х томах (в доме только малая серия).

Зачем-то пожаловалась Веничке на плохое самочувствие – сильные боли в сердце и горле. «Ну что ж, умирать будем вместе», – сказал он.

Впервые от него узнаю, как в 86-м году его не пустили на лечение во Францию. Приглашали: главный хирург-онколог Сорбонны и филологический факультет (2-е русское отделение) того же Сорбоннского университета. Причина отказа властей: откопанный в трудовой книжке четырехмесячный перерыв в работе в 63-м году. Был потрясен. Уже потом в одном из интервью он скажет: «Умру, но никогда не пойму этих скотов».

Апрель

Едем с Веничкой за город к его старым друзьям – многодетным Лере и Коле Мельниковым⁶. Очень приятная пара. В Москве в «Детском мире» купили в подарок пластинку – Гумилев в исполнении Евгения Евтушенко.

Жилище Мельниковых оказалось в моем вкусе. Большой деревянный дом, полузаброшенный сад, распластавшийся на траве обшарпанный катер. За дверью на наш звонок откликается яростным лаем собака. У нее новорожденные щенята. Веничка признается, что не любит и боится собак, и галантно пропускает меня вперед.

В скромно обставленной комнате над старым пианино бросается в глаза портрет Вагнера. Любимый композитор? Очень даже возможно. По донесению Ерофеева, мать милого Коли Светлана Мельникова состоит в обществе «Память», а великий композитор, как известно, был не менее великим антисемитом. Но я отвлеклась.

Впереди Пасха, и Лера заранее приготовила к ней бутылку прекрасной домашней настойки. По настоянию Венички она немедленно нами выпивается. Вечером – просмотр кино-пленки: Коля еще до операции снял Ерофеева на видеокассету.

Зная, что Ерофеев был верующим, что христианские принципы были для него священными уже с семнадцатилетнего возраста, что проповедовал он их «по мере сил» и среди студенчества, как-то спросила его, почему он до сих пор не крещен?

Рассказал, что разговоры идут об этом уже давно. Что приезжали уговаривать его даже священники. Заявил, что не любит православие за холуйство. Что если бы Господь дал ему еще два-три года, то написал бы книгу о православии. Сказал, что сейчас готов креститься, но что примет католическую веру. Попросил раздобыть книгу Карсавина «Католицизм». Предложил мне быть его крестной матерью. Спросила, почему именно я.

Рассказал свой сон. Будто много дней шел он по безводной пустыне и умирал от жажды. Неожиданно появилась я и напоила его своим молоком. Сказал, что где-то читал, что крестная мать даже важнее родной. «Вот связалась со мною, теперь и тяни!» – закруглил он разговор.

Отправилась в костел Святого Людовика к отцу Станиславу. Преклонных лет латыш, на первый взгляд несколько надменный, выслушал меня очень внимательно. А мой вопрос, может ли православная быть крестной матерью католика, привел его, как мне показалось, просто в недоумение.

«А почему бы и нет?» – удивленно развел он руками.

⁶ Настоящие имена: Валерия Черных и Николай Болдырев.

Договорились, что крестить Ерофеева будут на Пасху, 17 апреля. В этот день католическая Пасха совпадала с православной. У меня уже был приготовлен для Ерофеева католический крест с распятием, привезенный моей матерью несколько лет назад из Польши, из Ченстохова, и приобретенный ею там на Пасху.

В этот же день позвонила Вене, сообщив о назначенной дате. Дал свое согласие. «А кто будет совершать обряд?» – спросил он. И пообещал: «Я эту Страстную неделю попробую жить всухую. А в Пасху навестаю. Семь дней для размышлений, а я очень умею размышлять». Сказал, что крестным отцом его будет старинный друг и наставник по университету филолог Владимир Муравьев. Зная, что он католик, подумала: наверное, не без его влияния примет Веничка католическое крещение.

17 апреля

Вспоминаю, как он, имея обыкновение всегда опаздывать, пришел в этот день в точно назначенный срок – 10 утра. Он был, как никогда, подтянут, чисто выбрит, в белоснежной рубашке. При всем умении казаться бесстрастным, не мог скрыть своего волнения. Правда, не упустил случая сострить: «Ты что, ведешь меня в КГБ?» (т. к. встретились на Лубянке у «Детского мира»).

– Почему так поздно креститесь? – строго спросил его отец Станислав.

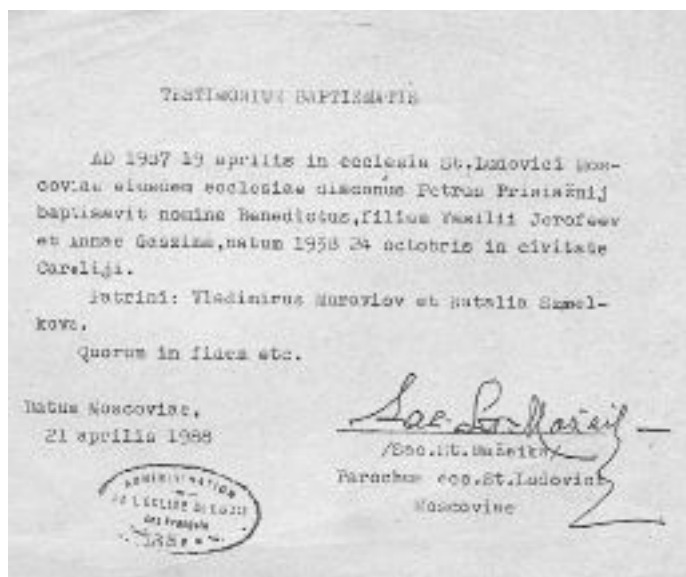
– Я с тридцать восьмого года! – кратко пояснил Ерофеев.

– Молитвы знаете?

– Даже по-латыни. Проходил в университете, – ответил Веничка.

Начался обряд. Крестил ксендз Петр. Ерофеев не мог скрыть своего волнения. У него дрожали губы.

Началась служба. Полились звуки органа. Запел хор. У Венички на глаза навернулись слезы. Причащались с ним, стоя рядом на коленях.

Справка о крещении Вен. Ерофеева в костеле Святого Людовика

Отмечали на Флотской. Ожидались гости, и Галя приготовила праздничный ужин. Среди пришедших были и старые Веничкины друзья – поэтесса Ольга Седакова⁷ со своим мужем

⁷ Поэт с мировой известностью. Лауреат нескольких европейских премий. Упоминается в поэме «М – П»: «пришел ко мне Боря с какой-то полоумной поэтессою...»

– композитором Валерием Котовым. Он сразу сел за расстроенное пианино и вдохновенно исполнил начало 1-го концерта Чайковского.

– Веничка, – позвала я его, – Валера в честь тебя исполняет свое последнее сочинение

– «Первый концерт Чайковского!»

– Это в стиле Пригова, – улыбнулась Седакова.

Подаренный мною польский крест с распятием Веничка повесил над изголовьем, но Галя его очень скоро сняла, сославшись на то, что Эдик – сосед по подъезду – не только алкаш, но и клептоман.

Слух о принятии Ерофеевым католичества быстро облетел Москву. Реагировали по-разному. Одни негодовали. Другие воспринимали свершившееся как эпатаж. Кто-то возмущался: «Православная не может быть крестной матерью католика». Некоторые просто беззлбно посмеивались.

Апрель

Разговорились о литературе. «Всем признателен, всех люблю, – сказал Ерофеев, – которым хоть чем-то обязан».

Своими литературными учителями он считал Салтыкова-Щедрина, раннего Достоевского, Гоголя и многих других. Про Гоголя, например, сказал: «Если бы не было Николая Васильевича, и меня бы как писателя тоже не было, и в этом не стыдно признаться».

Современную отечественную прозу обсуждать не любил. Мало кого в ней признавал и из тех немногих особенно выделял Василя Быкова и Алеся Адамовича. Преклонялся перед Василием Гроссманом. Даже попросил меня привезти перечитать «Жизнь и судьбу». Сказал: «Перед Гроссманом я встал бы на колени и поцеловал бы ему руку».

Из западных писателей Ерофеев любил Стерна, Рабле, Кафку, которому, как он считал, многим обязан, Гамсуна, Ибсена, Фолкнера, преклонялся перед Набоковым: «Никогда зависти не знал, но тут завидую».

В литературе, как и вообще в людях, Ерофеев не переносил бездушия. Как-то сказал: «Я хоть и сам люблю позубоскалить, но писать нужно с дрожью в губах, а у них этого нет». Во многих писателях его корбила «победоносная самоуверенность» – «писатели должны ходить с опущенной головой». Не признавал напыщенности – «писать надо, как говоришь».

А писать ему хотелось всегда, но мешала болезнь – тяжелейшая операция. Когда многие, чуть ли не до последних дней его жизни, обращались к писателю с просьбой дать письменное интервью, написать предисловие к авторскому сборнику стихов и т. д., он часто отказывался, порою отшучиваясь: «Времени нет. Оно все уходит на то, чтобы не умереть».

При прощании Ерофеев дал мне список необходимых ему книг.

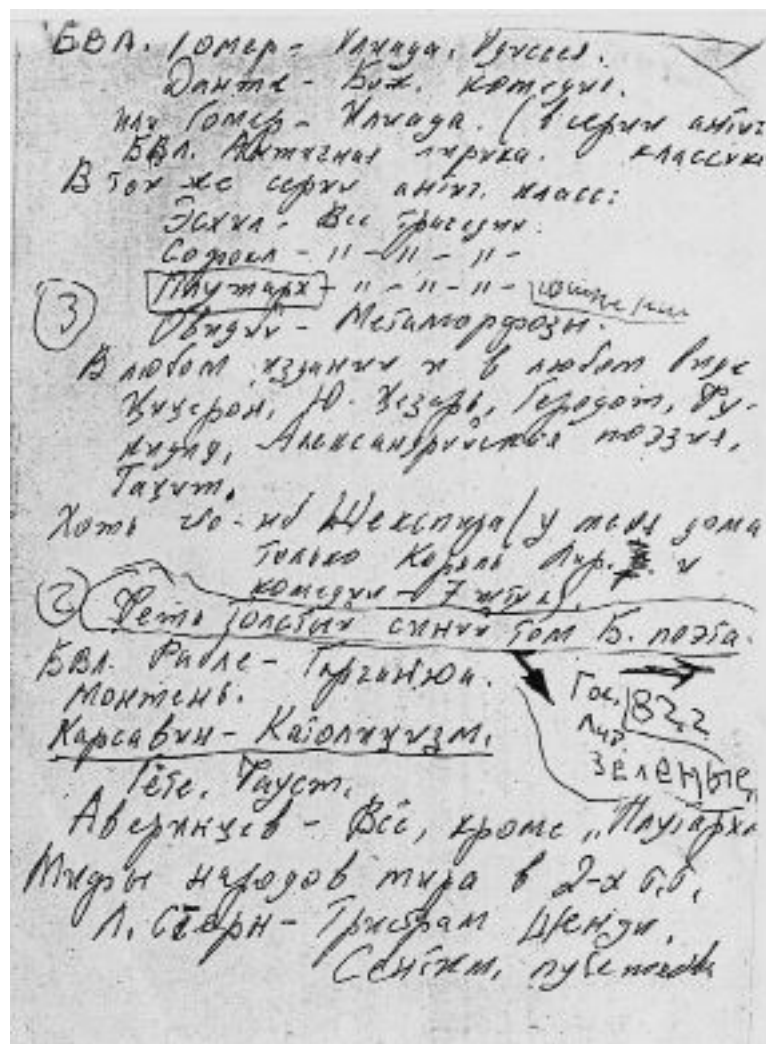
БВЛ. Гомер – Илиада, Одиссея.

Данте – Божественная комедия.

или Гомер – Илиада (в серии антич. классики).

БВЛ. Античная лирика.

В той же серии антич. класс.:

Список необходимых В. Ерофееву книг

Эсхил – все трагедии.

Софокл

Плутарх – сочинения.

Овидий – Метаморфозы.

В любом издании и в любом виде Цицерон, Ю. Цезарь, Геродот, Фукидид, Александрийская поэзия, Тацит.

Хоть что-нибудь Шекспира (у меня дома только Король Лир и комедии – 7 штук).

Фет. Толстый синий том Б. поэта.

БВЛ. Рабле – Гаргантюа.

Монтень.

Карсавин – Католицизм.

Гёте – Фауст.

Аверинцев – все, кроме «Плутарха».

Мифы народов мира в 2-х т.

Л. Стерн – Тристрам Шенди, Сентиментальное путешествие.

Апрель

А сегодня почти целый день слушаем с Веничкой классическую музыку, которую он так любит и хорошо знает. Музыкальная память его просто поражает. Коллекция пластинок – боль-

шая и с хорошим вкусом подобранная. На полках царит необыкновенный порядок: все расставлено по системе, с большой любовью и аккуратностью. Любую пластинку можно найти за секунду.

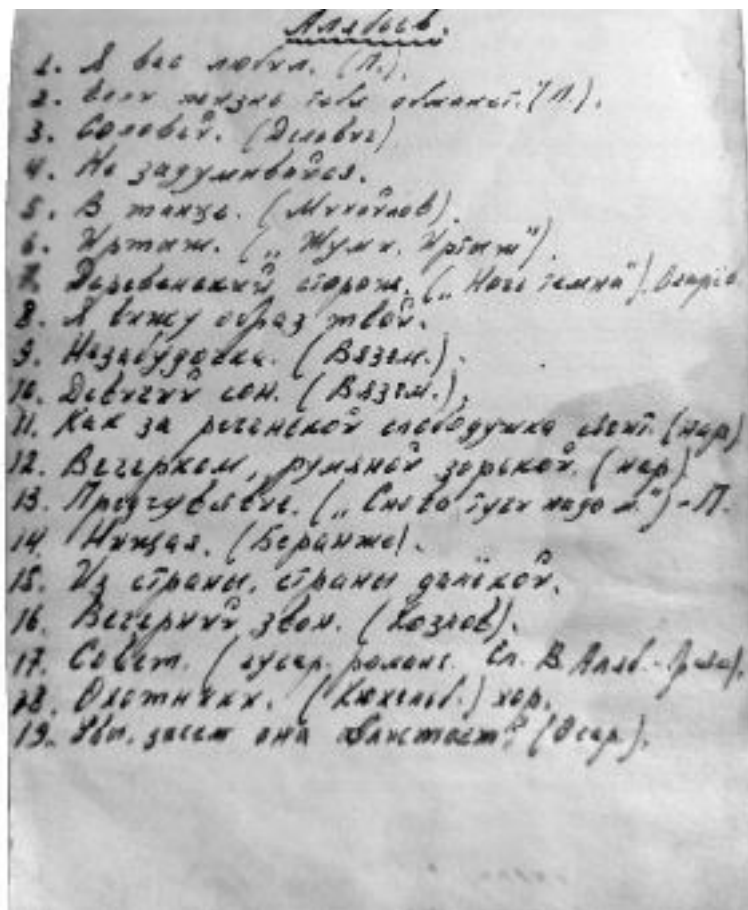
Ерофеев любит Шуберта, Брукнера, Шостаковича, Грига и особенно Сибелиуса. Очень часто слушает его музыку в последнее время, говоря, что неотвязно-постоянно снится ему Кольский полуостров. Вот и сегодня заводили Сибелиуса. «Послушай мою родину», – сказал он мне.

Отдавая предпочтение классике, Ерофеев не отрицал и другие жанры: «Было бы только талантливо». Как-то сказал: «Я был бы счастлив, если бы написал две-три хорошие русские песни».

Очень любил русские романсы. Показал мне свой пухлый блокнот под названием: «Русский романс от Титова до Свиридова». Не поленилась и всё и всех пересчитала. Поразилась. В блокноте оказалось 57 авторов и 943 ромansa!

Любил Ерофеев и живопись. Был знаком со многими художниками. Относился к ним несколько скептически. «Я за ними часто наблюдал, – как-то сказал он, – как правило, их, кроме своей работы, ничего больше не интересует». Допустила, что это было сказано в плохом настроении.

Настроение у Ерофеева прекрасное. Хочется вырваться куда-то на волю. «Ну что, – спрашивает, – посетим наконец-то вашего легендарного художника – чудака Виктора Михайлова, у которого на Рылеева часто приостанавливался Толя Зверев?» – «Конечно, посетим, – отвечаю. – А ты со Зверевым был знаком?» – «Как ни странно, не был, – ответил Веничка, – хотя многие считали нас чуть ли не друзьями». – «И очень жаль, – говорю. – Ведь Зверев написал бы с тебя столько замечательных портретов, а ты исписал бы за ним не одну страничку своих дневников. Ведь он был замечательным, остроумным рассказчиком. Порою такое нес, что тебе и не снилось». – «Ну, ну», – засомневался Ерофеев. – «А стихи какие он за секунду писал! Ну, чтобы тебя не утомлять – вот к примеру самое коротенькое: «Дождик лил, а я пил» – ну как?» Ерофеев только рукой махнул...

Фрагмент из блокнота В. Ерофеева «Русский романс от Титова до Свиридова»

У метро «Кропоткинская» нас уже дожидались Веничкины друзья: артисты Леша Зайцев и Жанна Герасимова. Показались очень милой парой. На наш звонок дверь открыл сам хозяин – нарочито всклокоченный, в очках, из-под которых пробивался острый, пытливый взгляд бесенка. Элегантно поклонившись, он проникновенно поцеловал Ерофееву руку, а Веничка невозмутимо, как будто ему каждый день при встречах ручки целуют, неторопливо проплыл на кухню.

Ему здесь уютно. Беседа льется рекой. Обожающий его Зайцев непрерывно читает монолог за монологом, периодически заключая Ерофеева в объятия, объясняясь ему в любви и восхищаясь его талантом.

Жанна потихоньку мне рассказывает, что Ерофеев при встречах почему-то упорно ее не узнает. А ведь она не раз с Зайцевым навещала его в больнице. Объясняет это его холодностью, надменностью. «Сейчас он стал намного мягче», – сказала она.

Засиживаемся допоздна. Вечером, после их ухода, происходит что-то вроде пожара. Почему-то лопнула лампа, и маленький язычок пламени пополз вверх по проводу, немного задев угол какой-то картины. Мистификатор Михайлов, изображая ужас, бессмысленно метался по огромной квартире с какими-то тряпками. А я-то, зная его, видела, что пребывал он в истинном восторге от происходящего. И не ошиблась. Не прошло и дня, как всей Москве уже было известно, что в доме Михайлова в присутствии Ерофеева дотла сгорел Василий Ситников! подлинник Ватто!! и, если мне не изменяет память – Рафаэль!!!

Об этом мне сказала поэтесса Татьяна Щербина, которая в свою очередь услышала о происшедшем от великого художника и великого фантазера Дмитрия Плавинского.

– И что же такое у вас произошло? – с неподдельным ужасом в голосе спросила она меня при встрече.

Галя, почему-то разыскивающая Веничку, отлично зная, где он, продолжала неустанно наводить обо мне у общих знакомых очередные справки. Уже потом, по донесению Ерофеева, узнала, как отозвался обо мне наш общий знакомый – замечательный художник и поэт – Борис Козлов: «Наташка – чудесный человек, но, как и многие из нас, немного с сумасшедшинкой».

Апрель

Козлов легок на помине. Позвонил мне и пригласил нас с Веничкой посмотреть его новые работы, а также на какую-то выставку. Спросила его, знает ли он, что Ерофеев крестился на Пасху в костеле Святого Людовика? В трубке – веселый хохот: «Молодцы ребята! Представляю, сколько вы выпили, чтобы придумать такое!»

Являемся. Веничка в своем репертуаре. Сразу уютно пристраивается на диване, не окинув взглядом, хотя бы для приличия, ни одной вывешенной картины.

О многом весело вспоминаем. Например, как однажды моя старшая подруга Майя Луговская попросила Славу Льна и художника Олега Целкова⁸ познакомить ее с Ерофеевым. Те пришли к ней в дом с Козловым, выдав его за Веничку. Вечер прошел прекрасно. Очень Луговской понравился Ерофеев!

Без договоренности и, конечно, без билетов едем на электричке в Добрынихи к «любимому первенцу». И, конечно, опять контролеры и на сей раз штраф. С трудом находим Вадикин дом. Знакомлюсь с его женой Любой и дочерью Машенькой. Все едины в желании немедленно отметить встречу. Оставив Веничку на попечение домочадцев, отправляемся с Вадиком по шпалам за вином. За беседой в очередной раз он выражает удивление: как Галя еще меня терпит? Дает мудрые советы, как Веничке не надоест. По возвращении – уже накрытый стол. Вечером – прогулка к маленькому пруду с разжиганием костра. Веничке холодно сидеть на не прогретой еще солнцем земле. Протягиваю ему свою шерстяную кофту. «Какая самоотверженная девчонка, – хвалит он меня, – сама мерзнет, а мне кофту отдает». Опаздываем на последнюю электричку и остаемся до утра. Перед отъездом Веничка деловито берет из книжного шкафа и кладет себе в сумку несколько книг, заявив, что Вадик ничего не подарил ему в день рождения. Тихонов смиренно молчит. Провожает нас до электрички, но Веничке еще хочется подышать свежим воздухом. Долго бродим по лесу. Устал... Сооружаю ему настил из папоротников, и он безмятежно засыпает. Простились в Москве на вокзале.

10 мая

Еду на 3 дня от МГУ на всесоюзное совещание в Таллин. От Ерофеева впервые узнаю, что на кладбище Александра Невского похоронен любимый им Северянин. Шестнадцатого мая – столетие со дня его рождения. Веничка просит посадить на его могиле цветы. Желательно незабудки. Выбираюсь только к вечеру и выполняю просьбу. Для отчета, зная о его недоверчивости, зарисовываю надгробную плиту с высеченными на ней строками: «Как хороши, как свежи будут розы, моей страной мне брошенные в гроб». На могиле – уже принесенные кем-то розы... Беру с земли несколько лепестков и уже в гостинице приклеиваю их на листок с зарисовкой. И еще внизу приписываю несколько сочиненных экспромтом строк:

⁸ Художник. В 1977 году эмигрировал в Париж.

На заброшенном кладбище «Невского»,
Приютившемся в чопорном Таллине,
Есть могила поэта известного,
Игоря Северянина.

Я пришла туда поздно вечером.
Я искала ее робея.
На могилах горели свечи,
И от них темнота светлела.

По приезде в Москву вручаю Вене листок, извинившись за пошловатость оформления. «Ничего, ничего, – сказал он, – это как раз в духе Северянина», – и бережно повесил его над письменным столом.

Сообщил новость: Каверин в кооперативном книгоиздательстве собирается опубликовать «Москва – Петушки» и уже приезжали от него два гонца и взяли экземпляр.

Вечером заехала к Майе Луговской. Показала ей Венины фотографии. Она рассказала мне, как он с Олегом Целковым и Борисом Козловым лет 10–12 тому назад был у нее в гостях. Уходя, Веня забыл у нее книгу – пьесы Булгакова («Дни Турбиных» и «Последние дни Пушкина»), в которой, как она потом обнаружила, были заложены маленькие офорты неизвестного ей автора. Напомнила, как через 2–3 года, еще задолго до нашего с Веничкой знакомства, она подарила их мне на день рождения. Луговская восприняла это все как мистику. «Ты же понимаешь, – сказала она, – что это он подарил их тебе, а не я!» Показала мне оставленную у нее Веней книгу с автографом: «Дорогие Лидия Николаевна и Иван Васильевич! Примите от меня эту книгу – первое издание двух пьес Михаила Булгакова. Мне приятно сознавать, что эта книга будет у вас. Меня всегда трогало ваше отношение к моему брату. Н. Булгакова-Земская».

«Ну и Веничка, – думаю. – Как же он мог не вернуть такую книгу, да еще с автографом, ее владельцам!»

Гуляя с Ерофеевым по Москве, случайно забрели к моей давнишней знакомой – интересной художнице и замечательной рассказчице Татьяне Киселевой. А у нее, оказывается, сегодня день рождения!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.